

Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект

Постановка проблемы

То, что интеграционные процессы как таковые, равно как и интеграционные системы, являющиеся их результатом, не первое десятилетие находятся в исследовательском фокусе специалистов в самых различных отраслях научного знания – факт, не требующий доказательств. Можно привести множество публикаций специалистов из самых различных научных дисциплин, но авторы не ставили себе целью дать всесторонний обзор существующих точек зрения, это – важная, но другая работа. Цель данной работы иная: привлечь внимание коллег к некоторым проблемам методологического характера в исследовании интеграционных и дезинтеграционных процессов в экономическом пространстве современной России.

Для начала отметим, что процесс, обратный интеграции – дезинтеграция, привлекает много меньшее внимание. Более того, дезинтеграция рассматривается как нечто, с чем следует бороться, ибо по определению интеграция – хорошо, а дезинтеграция – плохо.

На что ещё следует обратить внимание, так это на то обстоятельство, что экономическая интеграция рассматривается, как правило, на межстрановом уровне анализа. И хотя исследования интеграционных процессов внутри национальных экономических систем имеют место, но приходится признать: "международная трактовка" интеграционного процесса значительно более внушительна и по объёму и детальности" [31, с. 14].

И здесь следует ещё раз напомнить, что цель экономической интеграции, какой бы аспект мы ни рассматривали, международный или в рамках национальной экономики, – повышение благосостояния. Общим является и то, что интеграция в обоих случаях определяется и как процесс, и как состояние [1]. При этом в исследовательском фокусе находятся институты, в первую очередь, правила игры, направленные на создание условий, устраняющих дискриминацию между отдельными государствами и регионами и в то же время ориентированных на предотвращение дезинтеграционных процессов.

Мы полагаем, что более продуктивно рассматривать, насколько это возможно, одновременно и интеграцию, и дезинтеграцию, которые представляют собой две стороны одной медали, то есть мы имеем дело с взаимосвязанными и взаимообусловленными процессами, протекающими в экономическом пространстве (ЭП).

При этом, по-нашему мнению, интеграция не является монотонным процессом. На различных этапах эволюции глобальной, национальной, регио-

© Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П., 2018

МИНАКИР Павел Александрович, д-р экон. наук, академик РАН, Институт экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск). **E-mail:** minakir@ecrin.ru

ДЕМЬЯНЕНКО Александр Николаевич, д-р геогр. наук, Институт экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск). **E-mail:** demyanenko@ecrin.ru

ПРОКАПАЛО Ольга Михайловна, д-р экон. наук, Институт экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск). **E-mail:** prokapalo@ecrin.ru

ГОРЮНОВ Александр Павлович, канд. экон. наук, Институт экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск). **E-mail:** alex.goryunov@gmail.com

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ № 16-02-00300 – ОГН "Процессы интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России".

нальной или местной экономики интеграция может сменяться дезинтеграцией. Но смена интеграции и дезинтеграции характерна не только для глобального и национального уровней экономического пространства, она характерна для регионального и локального уровней. Каждый новый виток интеграции (дезинтеграции), на каком бы иерархическом уровне мы её не рассматривали, не является простым воспроизводством предшествующей системы экономических отношений.

И здесь есть одна методологическая тонкость, проистекающая из самой природы ЭП, которое не только неоднородно, но к тому же ещё и иерархично. Поэтому, приступая к анализу процессов интеграции и дезинтеграции, мы всякий раз должны отдавать себе отчёт в том, на каком уровне ЭП мы рассматриваем эти процессы. В противном случае не избежать малопродуктивных споров. Поэтому мы указываем, что нас интересует только макроуровень и дедимитации ЭП и экономического анализа.

К тому же мы полагаем, что было бы большим упрощением представлять экономическое пространство как состоящее исключительно из экономических пространственных систем, то есть экономических районов различного таксономического уровня; по нашему мнению, наряду с пространственными системами нередки и пространственные образования, не обладающие системными свойствами, которые можно обозначить как конгломератные образования¹.

И если, говоря о дезинтеграции, мы имеем в виду разделение пространственной системы на две и более "новых" опять-таки пространственных систем, то фрагментация представляет изменения в пространственной экономической системе, сопровождающиеся формированием конгломератных структур².

В самом общем виде их происхождение можно представить следующим образом:

во-первых, конгломератные структуры – это бывшие пространственные системы, потерявшие по тем или иным причинам системные качества (катастрофы природного, техногенного или социального характера);

во-вторых, это будущие системы, то есть некая совокупность экономических агентов, обладающая системным потенциалом, но который в силу тех или иных причин не реализован.

Здесь будет уместным, хотя бы коротко остановиться на самом понятии "фрагментация" в контексте экономического пространства. И связано это с тем, что в настоящее время в научной литературе можно встретить, как минимум, три трактовки этого термина.

Во-первых, это исследования пространственной фрагментации рынков. Здесь фрагментация рынков рассматривается как процесс обратный их пространственной интеграции, то есть "распад" регионального рынка на несколько локальных и т.д.³.

В качестве основного инструмента определения уровней фрагментации (интеграции) используется корреляция количественных колебаний значений параметров исследуемого рынка, прежде всего – цены.

Во-вторых, в рамках исследования технологических цепочек производства (шире – цепочек создания добавленной стоимости) фрагментация рассматривается как трансграничное распределение производства/сборки компонентов в рамках вертикально интегрированных производственных процессов,

¹ По мнению, В.Н. Лексина и А.Н. Швецова, которое авторы полностью разделяют, "... применительно к территориальным образованиям широкое использование понятия "система" требует определенной осторожности", так как "практически все современные территориальные образования являются своеобразным типом системно-конгломератных структур, для которых "единство" и "целостность" следует рассматривать как идеальное состояние". [16, с. 25].

² Более того, по мнению ряда исследователей, "... главной структурной чертой постпереходной российской экономики является ее фрагментарность, т.е. распадение на отдельные слабо связанные фрагменты" [18, с. 33].

³ Наиболее явно это проявляется в исследованиях фрагментации и интеграции финансовых рынков стран Евросоюза. Показательна в этом отношении работа [32].

причём каждая страна специализируется на определённом звене производственной цепочки⁴.

В-третьих, фрагментация часто используется как синоним поляризации. Так, например, Г.Ф. Иоффе и Т.Г. Нефёдова понимают под фрагментацией экономического пространства формирование, на общем фоне демоэкономической депрессии, отдельных ареалов активной экономической жизни [10], которые, как правило, не взаимодействуют с депрессивными ареалами⁵.

Если резюмировать перечисленные выше подходы к пониманию фрагментации в пространственном контексте, то следует обратить внимание на то, что в первых двух мы имеем дело, скорее всего, не с пространственными системами, а с задачами по локализации в пространстве тех или иных рынков или фирм. Что же касается "поляризованной фрагментации" в трактовке предложенной Г.Ф.Иоффе и Т.Г. Нефёдовой, то она ближе других соответствует нашему пониманию процессов фрагментации экономического пространства.

Аналитические инструменты

Что же касается аналитического инструментария, позволяющего идентифицировать интеграционные и фрагментационные процессы в национальном экономическом пространстве и получить оценки их влияния на экономическую динамику страны, то они могут быть соотнесены с двумя концепциями развития экономики: конкурентной и кумулятивной.

В рамках конкурентной концепции идентификация интеграции и фрагментации связывается с оценкой динамики региональных диспропорций в экономическом пространстве страны. Так, "сближение" регионов, локализованных в пределах национальных границ, выражаемое в равенстве или стремлении к нему отдельных показателей или уровня экономики в целом интерпретируется в качестве процессов интеграции; соответственно, "разобщение" регионов, выражаемое в увеличении "разбега" отдельных показателей или уровня экономики в целом, интерпретируется в качестве процессов фрагментации.

В рамках конкурентной концепции географическое расстояние не является фактором, способствующим или препятствующим межрегиональной интеграции: интеграционные процессы могут наблюдаться между регионами, географически удалёнными друг от друга. Последние рассматриваются как точки, лишённые внутреннего пространства.

В рамках кумулятивной теории идентификация интеграции и фрагментации связывается с оценкой динамики "связности" экономического пространства с точки зрения межрегиональных взаимодействий. Иными словами, "сращивание" регионов, выражаемое в формировании результатов экономической деятельности последних как за счёт собственных факторов, так и за счёт факторов, генерируемых регионами-"партнёрами" (при условии исключения конкуренции между эндогенными и экзогенными факторами), интерпретируется в качестве интеграционных процессов; соответственно, обратный процесс, выражающийся в отсутствии или ослаблении связей между регионами, интерпретируется в качестве фрагментации экономического пространства.

В отличие от конкурентной концепции, в рамках кумулятивной концепции, географическое расстояние является значимым фактором. Географическая близость регионов выступает фактором, способствующим их интеграции.

Рассмотренные выше методы идентификации межрегиональной интеграции и дезинтеграции относятся к методам оценки экономических эффектов в многорегиональной экономической системе, генерируемых процессами интеграции и дезинтеграции. Отметим, также и то, что в рамках обеих концепций остаётся вне рассмотрения вопрос о критериях выделения регионов. Они просто рассматриваются как некая данность, хотя, по-нашему мнению, задача определения системы регионов не тривиальна.

Не отрицая полезности упомянутых выше аналитических инструментов, используемых в настоящее время для идентификации и оценки интегра-

⁴ См., например: [33].

⁵ "Поляризирующая фрагментация" была описана в ряде публикаций, посвященных как сельским территориям России в целом, так и отдельным макрорегионам России [4; 10; 26].

ционных и дезинтеграционных процессов в ЭП, отметим, что им присущи два, по-нашему мнению, существенных недостатка. Первый – регион представлен в виде точки; второй – отказ от определения критериев выделения регионов и, как следствие – принятие в качестве исходной единицы анализа единицы административно-территориального деления.

По-нашему мнению, если и не полностью, то отчасти, эти проблемы инструментального и методологического характера могут быть преодолены, если обратиться к аналитическим инструментам, сложившимся в рамках так называемой региональной концепции, или иначе концепции районирования.

Районная концепция, естественно эволюционирует, но меняясь, она остаётся неизменной по своей сути: она предполагает, что для того чтобы описать, понять и объяснить организацию человеческой (в том числе и экономической) деятельности в пространстве, последнее следует разделить на целостные части, то есть районы.

Помимо всего прочего региональная концепция позволяет рассматривать ЭП как поле⁶, формируемое пространственными экономическими образованиями, как обладающими системными свойствами, так и не обладающими таковыми, на различных иерархических уровнях.

Для российского экономического пространства идентификация и оценка интеграционных и дезинтеграционных процессов предполагает, что своего рода исходными единицами анализа выступают макроэкономические зоны и экономические макрорегионы. Это своего рода уровень макро-анализа, который изначально предполагает исследование ритмов большой временной длительности.

Характерные черты экономического пространства современной России

Для начала зафиксируем как некую данность: ЭП России уникально, и уникальность эта не только связана с размерами, но и с его неоднородностью. В свою очередь, неоднородность экономического пространства имеет не только собственно экономическую природу, но и неэкономическую, в частности, естественно-историческую и социо-культурную⁷.

Но не только неоднородностью и размерами характеризуется нынешнее ЭП России, ему также присущи "рудименты" былых пространственных отношений, доставшиеся, как минимум, от недавнего советского прошлого. И это вполне объяснимо, если вспомнить, что и экономическое пространство, и его "части" обладают таким свойством, как инерционность.

Итак, к настоящему времени ЭП России представляет собой достаточно сложное образование с далеко не ясными перспективами. И не представляется возможным дать однозначный ответ на вопрос: имеем мы дело с деградацией или с развитием ЭП? Но это вовсе не означает, что следует отказаться от попыток ответить на этот вопрос.

По нашему мнению, здесь стоит обратиться к наследию классиков экономической науки. В частности, вспомнить Адама Смита и его тезис: благосостояние населения (страны или региона) определяется производством, а эффективность производства зависит, в свою очередь, от разделения труда, в том числе и от территориального разделения труда (ТРТ). В этой связи уместным будет напомнить, что Р. Коуз полагал (и не без основания), что "Адам Смит был прав, настаивая на важности разделения труда, а мы ошибаемся, пренебрегая им" [13, с. 93].

А теперь вспомним ещё одного классика – К. Маркса, который рассматривал ТРТ как процесс, закрепляющий определённые отрасли за определёнными местностями, то есть районами. Следует со вниманием отнестись к следующим положениям: во-первых, разделение труда (и ТРТ, в том числе) интенсифицируется по мере расширения географических границ рынка, во-вторых, разделение труда в обществе охватывает не только экономику, но

⁶ Подробно авторская позиция относительно природы и свойств экономического пространства представлена в [20–22].

⁷ Здесь нет необходимости подробно останавливаться на этом сюжете: существует достаточное обширная литература. См., например [9; 12; 23; 30 и др.].

и другие сферы общества. Наконец, разделение труда, по мнению К. Маркса, закладывает основу для специализации [17, с. 266]. Добавим от себя: в том числе и специализацию экономических районов.

Традиционно, начиная с 20-х гг. прошлого века, принято, что процессы формирования и развития экономических районов определяются ТРТ, а оно, в свою очередь, является исторически изменчивым процессом. То есть имеет место определённое соответствие между этапами (или фазами) развития экономической системы и ТРТ.

Применительно к российскому обществу это находит своё выражение в том, что оно в целом и его территориальная организация, в частности, находятся одновременно под воздействием сразу трёх волн перемен. При этом ни одна из них не является отчётливо преобладающей, поэтому "будущее представляется в расщеплённом виде", а следовательно, "крайне затруднительно выявить смысл изменений и конфликты, которые они порождают" [27, с. 42]. Однако тот факт, что "затруднительно выявить смысл изменений" совсем не означает, что выявить этот смысл невозможно. И, по-нашему мнению, в этой связи следует обратить внимание на традиционные инструменты пространственного анализа: экономическое районирование и экономическое зонирование.

О районировании и зонировании как инструментах декомпозиции ЭП

Для начала отметим, что районирование, то есть разбиение целостной пространственной системы (в нашем случае ЭП России) на целостные же части – экономические районы может, в зависимости от целей исследования, осуществляться на различных иерархических уровнях. Но нас интересует только первый уровень декомпозиции (макроэкономические зоны, экономические макрорегионы и сектора), для чего достаточно анализа системы ландшафтных зон, сложившейся территориально-отраслевой структуры экономики и системы расселения населения⁸.

И ещё одно замечание общего характера: границы и экономических макрорегионов, и макрзон достаточно условны. Обусловлено это не столько нехваткой необходимой информации (что тоже имеет место), сколько тем, что вслед за Б.Н. Книповичем мы полагаем, что всякая граница экономического района условна, так как "в громадном подавляющем большинстве случаев для нас важнее район в целом, а не относительно узкая переходная полоса" [11, с. 19]⁹.

Графическое отражение декомпозиции экономического пространства на основе изложенных выше положений представлено на *рис. 1* и *рис. 2*.

Даже беглое ознакомление с приведённой выше системой макрзон даёт основание для очевидного вывода: естественно-историческая обстановка определяет условия, в которых функционирует экономика и проживает население. Конечно, нередко их можно преодолеть, но это сопряжено с издержками как трансформационными, так и транзакционными. Поэтому вовсе не случайно, что расчёты суммарного ВРП по макрзонам за период с 2000 по 2015 гг., приведённые в *табл. 1*, остаются практически неизменными.

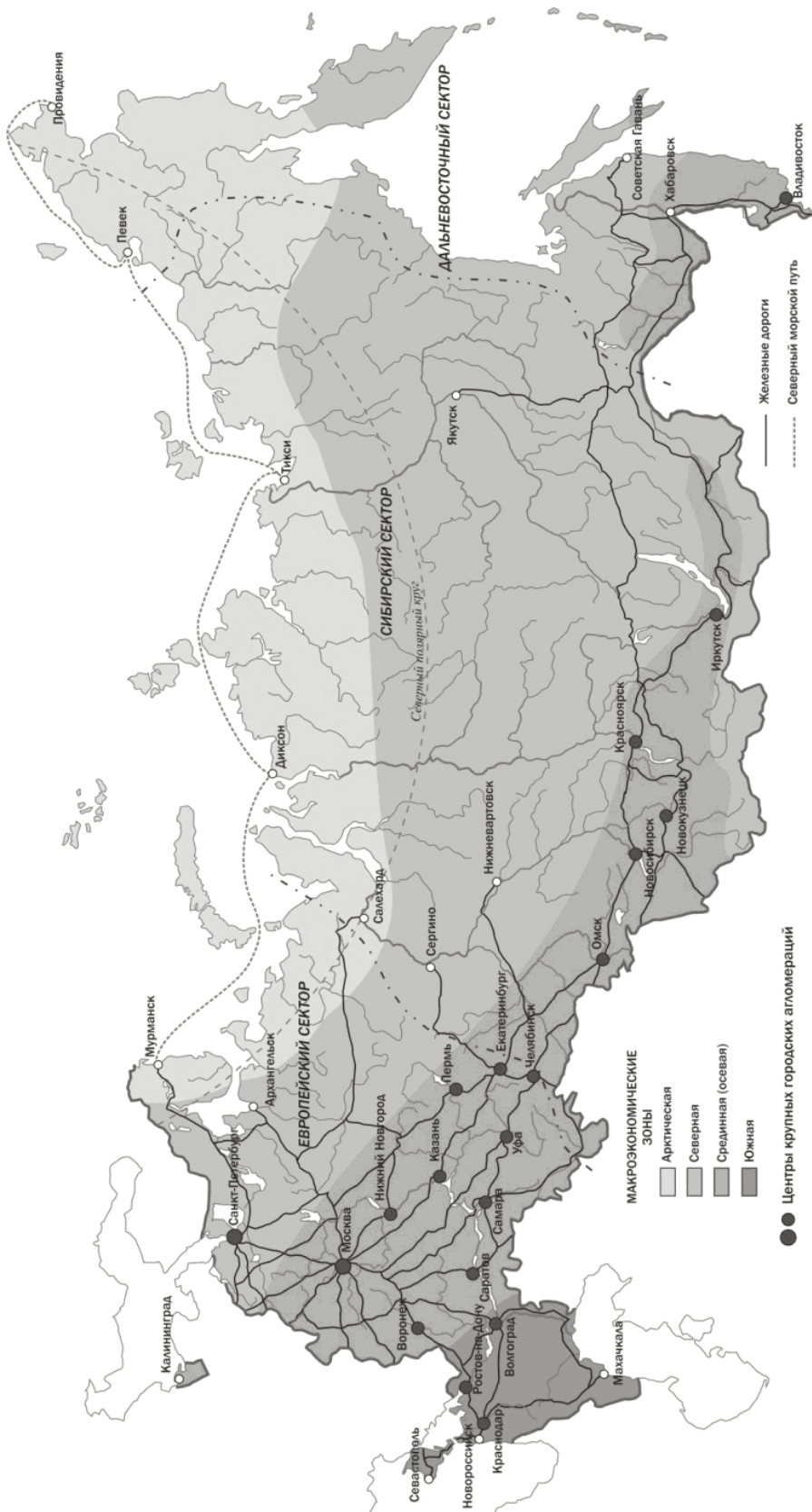
Что же касается сетки экономических макрорегионов (*рис. 2*), то при её разработке авторы не могли пройти мимо предшествующих опытов, естественно, сделав поправку на изменения в территориально-отраслевой структуре экономики, которые произошли за прошедшие годы.

Так как количество различных сеток экономических макрорегионов (крупных или основных экономических районов) трудно поддаётся учёту, поэтому в качестве базовых мы взяли сетки экономических районов Госплана 20-х гг., а также сетку экономических районов, предложенную Н.Н. Колосовским в 1953 г.

⁸ Подробно о макроэкономическом зонировании: [2; 28], а о выделении секторов в экономическом пространстве России: [7; 20].

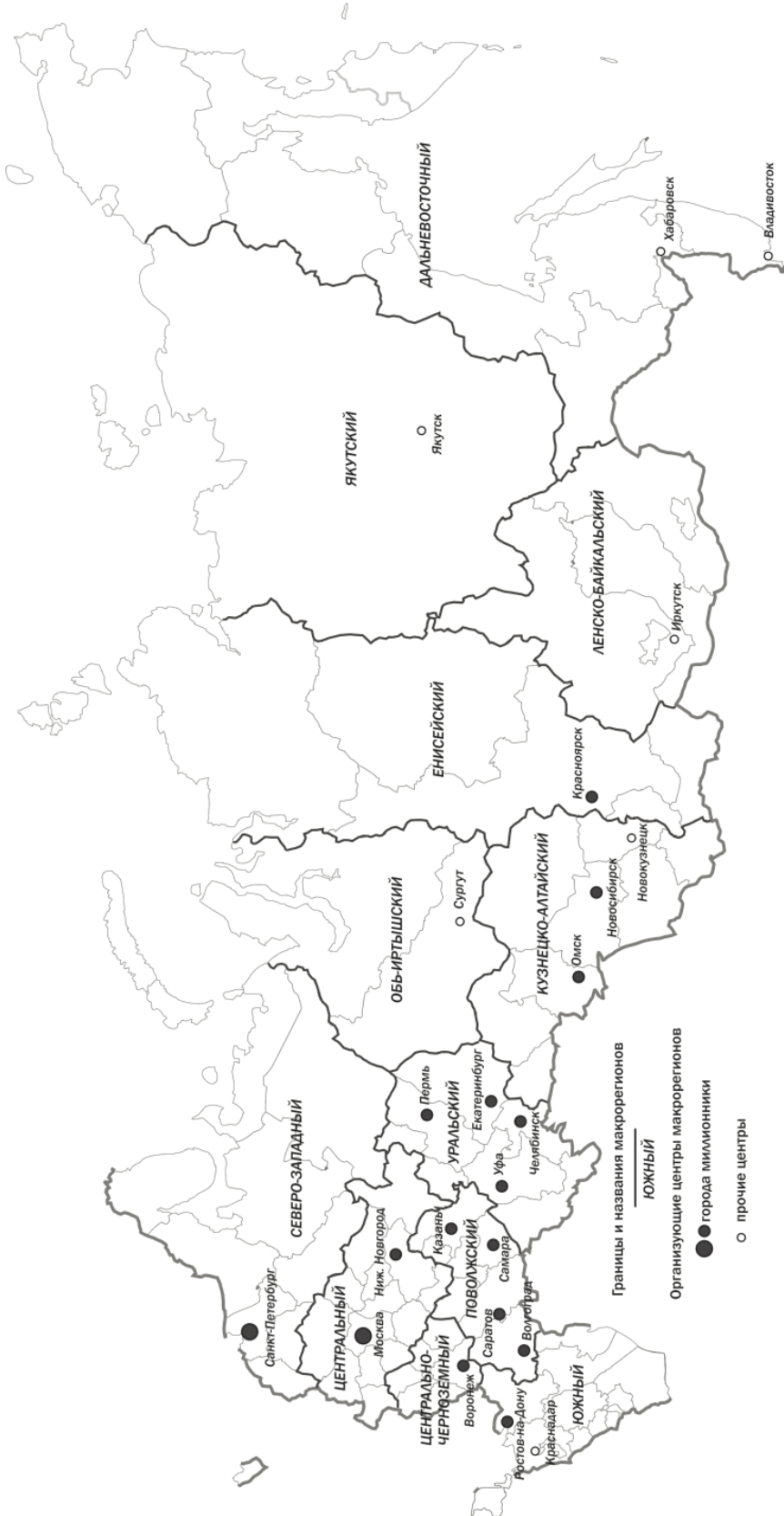
⁹ Отметим, что первые сетки экономических районов Госплана имели сугубо схематический характер.

Рисунок 1. Макроэкономические зоны и сектора

Источник: составлено авторами

Рисунок 2. Сетка экономических макрорегионов РФ

Источник: составлено авторами

Таблица 1. Удельный вес экономических макрзон в суммарном ВРП субъектов РФ (в %)

Зона	2000	2009	2015
Срединная	64,96	64,48	64,82
Северная	24,20	24,40	23,57
Арктическая	3,22	2,88	2,84
Южная	7,61	8,25	8,78

Источник: рассчитано по: [24; 25].

Причина такого выбора: во-первых, экономические макрорегионы обладают устойчивостью, так как в явном виде выражен "физико-географический элемент"¹⁰, и, во-вторых, они отличаются друг от друга специализацией. Наконец, мы полагали важным фактором, учитываемым при выделении экономических макрорегионов, наличие явно выраженного районоорганизующего центра (или центров).

Ожидаемо, что для экономических макрорегионов ВРП в 2000–2015 гг., как и в случае с экономическими макрзонами, демонстрируется стабильность (табл. 2).

В макрорегионах с высокой плотностью взаимодействий экономических агентов, как правило, существует единственный организующий центр, обычно в качестве такового в современных российских реалиях выступает городская агломерация с населением не менее 1,5–2,0 млн человек. Типичными экономическими макрорегионами с явно выраженным организующим центром являются Центральный и Северо-Западный, организующими центрами которых выступают Московская и Санкт-Петербургская агломерации. С известными оговорками к этому же типу экономических макрорегионов относятся и Центрально-чернозёмный с Воронежской агломерацией в качестве организующего центра.

В то же время в Европейской России в настоящее время сложились экономические макрорегионы, например, Уральский, Поволжский и Южный, которые имеют несколько организующих центров (ядер), что даёт основание предположить формирование в их пределах новых экономических макрорегионов¹¹.

В Сибири, за исключением Обь-Иртышского макрорегиона, все остальные имеют явно выраженные районоорганизующие центры, которые, как правило, уступают своим аналогам из Европейской России.

Дальний Восток в его сегодняшней конфигурации представляет собой нечто иное. Это макрорегион с низкой плотностью взаимодействий экономических агентов и в то же время с наличием нескольких центров (ядер), ни один из которых не может считаться общерегиональным организующим центром. Фактически в настоящее время на Дальнем Востоке два организующих центра – Южно-Приморская и Хабаровская агломерации. И от того, насколько эффективно они будут взаимодополнять друг друга во взаимодействии с центрами второго порядка, в немалой мере зависит экономическое развитие всего Дальневосточного макрорегиона.

¹⁰ В свое время В.П. Семенов-Тянь-Шанский утверждал, что "Они [экономические районы] тем прочнее, чем сильнее в них выражен физико-географический элемент. Вообще этому последнему во всех сомнительных случаях районирования по совокупности тех или иных признаков должны отдаваться явное предпочтение и руководящая роль [27, с. 25]."

¹¹ Здесь следовало бы остановиться на том, каким образом происходят изменения в конфигурации и структуре районов, что само по себе крайне важно. Но авторы посчитали возможным ограничиться суждением по этому вопросу В.П. Семенова-Тянь-Шанского: "Районы живут и видоизменяются в пространстве... Эти изменения сводятся к слитию и раздроблению районов, а также к их рассасыванию и перерождению. Слитие происходит путем выпадения признаков..." [27, с.16].

Таблица 2. Удельный вес экономических макрорегионов в суммарном ВРП субъектов РФ (в%)

Регион	2000	2009	2015
Центрально-черноземный	3,67	3,63	4,19
Центральный	32,72	33,32	32,20
Северо-западный	9,82	10,26	10,36
Южный	6,50	7,26	7,84
Поволжский	8,95	8,44	8,82
Уральский	11,69	11,14	11,67
Обь-Иртышский	9,09	8,83	7,92
Кузнецко-Алтайский	6,19	6,19	5,94
Ленско-Байкальский	2,54	2,52	2,67
Енисейский	3,80	3,44	3,56
Якутский	1,31	1,12	1,15
Дальневосточный	3,73	3,84	3,68

Источник: рассчитано по: [24; 25].

Стабильность пространственной структуры экономики РФ очевидна, но она же свидетельствует о том, что сложившаяся система процессов интеграции и дезинтеграции если и изменяется, то крайне медленно, постепенно. Но одновременно следует признать, что даже на первом уровне делимитации ЭП имеет место значительное разнообразие в территориально-отраслевой структуре экономики, и разнообразие это не уменьшается.

Заключение

Если мы действительно ставим вопрос о модернизации экономического пространства России, о "пространственном развитии" России, то на повестку дня выходят не столько поиски мер по содействию интеграционных процессов и предотвращению фрагментационных, сколько поиск механизмов, обеспечивающих их рациональное взаимодействие в рамках национального ЭП. При этом необходимо иметь в виду, что в последние десятилетия на различных иерархических уровнях экономического пространства имеет место усиление неэкономических факторов, оказывающих влияние как на интеграционные, так и дезинтеграционные процессы.

При этом следует иметь в виду, что экономическое пространство не тождественно пространству политическому, поэтому придётся признать: декомпозиция ЭП – задача не тривиальная. Но её решение не только позволяет расширить аналитический инструментарий регионального экономического анализа, но и позволит более обоснованно подойти к решению проблем пространственного развития, как на национальном, так и на субнациональном и региональном уровне.

А вот попытки создать унифицированные механизмы (институты) регионального развития есть не лучший способ "пространственного развития".

Литература

1. Баласса Б. Экономическая интеграция // Экономическая теория. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 220–232.
2. Вишневский Д.С., Демьяненко А.Н. Макроэкономическое зонирование как метод регионального стратегического анализа: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 6–31.
3. Горбанёв В.А., Кочуров Б.И. Проблемы территориального районирования России: национальные и международные аспекты // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4. С. 23–54.
4. Горюнов А.П., Белоусова А.В. Процессы интеграции и фрагментации экономического пространства: структура систем расселения // Пространственная экономика. № 4. 2017. С. 81–100.
5. Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Декомпозиция национального экономического пространства: Тенденции и прогноз // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / М.: РАН. ИНИОН, 2018. Ч. 2. С. 854–857.
6. Демьяненко А.Н., Кольцов В.В. Индустриализация в СССР в реконструктивный период: опыт историко-географического исследования // Известия Всесоюзного Географического общества. 1988. Вып. 2. С. 403–409.
7. Демьяненко А.Н. О декомпозиции экономического пространства в пределах Дальневосточного макрорегиона // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 2. С. 5–20.
8. Дружинин А.Г. Евразийские тренды южнороссийской динамики: общественно-географический аспект // Проблемы регионального развития России. М.: Кодекс, 2016. С. 404–419.
9. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
10. Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Фрагментация сельского пространства России // Вестник Евразии. № 4. 2003. С. 69–92.
11. Книпович Б.Н. Сельско-хозяйственное районирование. М.: Новая деревня, 1925. 192 с.
12. Коломак Е.А. Пространственная концентрация экономической активности в России // Пространственная экономика. 2014. № 4. С. 82–99.
13. Коуз Р. Очерки об экономической науке и экономистах. М.: СПб.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 288 с.
14. Лаженцев В.Н. Некоторые итоги изучения пространственных аспектов развития Европейского Севера России // Регионалистика. 2015 Т. 2. №.1. С. 42–48.
15. Лаженцев В.Н. Содержание, системная организация и планирование территориального развития. Екатеринбург-Сыктывкар, 2014. 236 с.
16. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы. М.: УРСС, 2000. 368 С.
17. Маркс К. Капитал. Т. I. // Собр. соч. Маркс К. и Энгельс Ф. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. 908 с.
18. Мезоэкономика развития. М.: Наука, 2011. 805 с.
19. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Горюнов А.П. Методология исследования интеграции и фрагментации в экономическом пространстве России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / М.: РАН. ИНИОН, 2018. Ч. 2. С. 885–888.
20. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Очерки по пространственной экономике. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2014. 272 с.
21. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.
22. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Экономическое пространство современной России и подходы к его исследованию // Регионалистика. 2017. № 1. С. 5–14.
23. Михеева Н.Н. Диверсификация структуры регионального хозяйства как стратегия роста: за и против // Регион: Экономика и социология. 2016. № 4 (92). С. 196–217.
24. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2017. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (дата обращения: 25 сентября 2018).
25. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2012. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_14p/Main.htm (дата обращения: 25 сентября 2018).
26. Руднева А.С. Поляризация освоенного пространства Южного Урала как аспект развития территории // Вестник Оренбургского Государственного Университета. № 11. 2017. С. 102–105.
27. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. М.-Л.: Госиздат, 1929. 311 с.
28. Тихоокеанская Россия – 2030: прогнозирование регионального развития. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2010. 560 с.
29. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.

30. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. М.: Медиа-ПресС. 2013. 664 С.
31. Экономическая интеграция: пространственный аспект. М.: Экономика, 2004. 352 с.
32. Sola Perea M. de., Van Nieuwenhuyze Ch. Financial integration and fragmentation in the euro area // *Economic Review*. National Bank of Belgium. June 2014. Issue I. P. 99–125.
33. Prema-Chandra Athukorala, Nobuaki Yamashita. Production Fragmentation and Trade Integration: East Asia in a Global Context // *The North American Journal of Economics and Finance*. 2005. Volume 17. Issue 3. December 2006. P. 233–256.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Balassa B. *Ehkonomicheskaya integratsiya* // *Ehkonomicheskaya teoriya*. М.: INFRA-M. 2004. S. 220–232.
2. Vishnevskij D.S., Dem'yanenko A.N. Makroehkonomicheskoe zonirowanie kak metod regional'nogo strategicheskogo analiza: Dal'nij Vostok Rossii // *Prostranstvennaya ehkonomika*. 2010. № 4. S. 6–31.
3. Gorbanyov V.A., Kochurov B.I. Problemy territorial'nogo rajonirovaniya Rossii: natsional'nye i mezhdunarodnye aspekty // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2018. № 4. S. 23–54.
4. Goryunov A.P., Belousova A.V. Protssesy integratsii i fragmentatsii ehkonomicheskogo prostranstva: struktura sistem rasseleniya // *Prostranstvennaya ehkonomika*. № 4. 2017. S. 81–100.
5. Dem'yanenko A.N., Prokapalo O.M. Dekompozitsiya natsional'nogo ehkonomicheskogo prostranstva: Tendentsii i prognoz // *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*. *Ezhegodnik*. Vyp. 13 / М.: RAN. INION, 2018. CH. 2. S. 854–857.
6. Dem'yanenko A.N., Kol'tsov V.V. Industrializatsiya v SSSR v rekonstruktivnyj period: opyt istoriko-geograficheskogo issledovaniya // *Izvestiya Vsesoyuznogo Geograficheskogo obshhestva*. 1988. Vyp. 2. S. 403–409.
7. Dem'yanenko A.N. O dekompozitsii ehkonomicheskogo prostranstva v predelakh Dal'nevostochnogo makroregiona // *Regionalistika*. 2018. T. 5. № 2. S. 5–20.
8. Druzhinin A.G. Evrazijskie trendy yuzhnorossijskoj dinamiki: obshhestvenno-geograficheskij aspekt // *Problemy regional'nogo razvitiya Rossii*. М.: Kodeks, 2016. S. 404–419.
9. Zubarevich N.V. *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya*. М.: Nezavisimyj institut sotsial'noj politiki, 2010. 160 s.
10. Ioffe G.V., Nefedova T.G. Fragmentatsiya sel'skogo prostranstva Rossii // *Vestnik Evrazii*. № 4. 2003. S. 69–92.
11. Knipovich B.N. *Sel'sko-khozyajstvennoe rajonirovanie*. М.: Novaya derevnya, 1925. 192 s.
12. Kolomak E.A. *Prostranstvennaya kontsentratsiya ehkonomicheskoy aktivnosti v Rossii* // *Prostranstvennaya ehkonomika*. 2014. № 4. S. 82–99.
13. Kouz R. *Oчерki ob ehkonomicheskoy nauke i ehkonomistakh*. М.: SPb.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2015. 288 s.
14. Lazhentsev V.N. Nekotorye itogi izucheniya prostranstvennykh aspektov razvitiya Evropejskogo Severa Rossii // *Regionalistika*. 2015 T. 2. No.1. S. 42–48.
15. Lazhentsev V.N. Soderzhanie, sistemnaya organizatsiya i planirovanie territorial'nogo razvitiya. Ekaterinburg-Sykt'yvkar, 2014. 236 s.
16. Leksin V.N., SHvetsov A.N. *Gosudarstvo i regiony*. М.: URSS, 2000. 368 S.
17. Marks K. *Kapital*. T. I. // *Sobr. soch. Marks K. i EHngel's F. T.* 23. М.: Gospolitizdat, 1960. 908 s.
18. *Mezoekonomika razvitiya*. М.: Nauka, 2011. 805 s.
19. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N., Goryunov A.P. Metodologiya issledovaniya integratsii i fragmentatsii v ehkonomicheskom prostranstve Rossii // *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*. *Ezhegodnik*. Vyp. 13 / М.: RAN. INION, 2018. CH. 2. S. 885–888.
20. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. *Oчерki po prostranstvennoj ehkonomike*. Khabarovsk: IEHI DVO RAN, 2014. 272 s.
21. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. *Prostranstvennaya ehkonomika: ehvolyutsiya podkhodov i metodologiya* // *Prostranstvennaya ehkonomika*. 2010. № 2. S. 6–32.
22. Minakir P.A., Dem'yanenko A.N. *Ehkonomicheskoe prostranstvo sovremennoj Rossii i podkhody k ego issledovaniyu* // *Regionalistika*. 2017. № 1. S. 5–14.
23. Mikheeva N.N. *Diversifikatsiya struktury regional'nogo khozyajstva kak strategiya rosta: za i protiv* // *Region: Ehkonomika i sotsiologiya*. 2016. № 4 (92). S. 196–217.
24. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli – 2017*. // *Ofitsial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki*. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm (data obrashheniya: 25 sentyabrya 2018).

25. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli – 2012. // Ofitsial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_14p/Main.htm (data obrashheniya: 25 sentyabrya 2018).
26. Rudneva A.S. Polyarizatsiya osvoennogo prostranstva YUzhnogo Urala kak aspekt razvitiya territorii // Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta. № 11. 2017. S. 102–105.
27. Semenov-Tyan-SHanskij V.P. Rajon i strana. M.-L.: Gosizdat, 1929. 311 s.
28. Tikhookeanskaya Rossiya – 2030: prognozirovaniye regional'nogo razvitiya. Khabarovsk: IEHI DVO RAN, 2010. 560 s.
29. Toffler EH. Tret'ya volna. M.: AST, 1999. 784 s.
30. Fundamental'nye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federatsii: mezhdistsiplinarnyj sintez. M.: Media-PresS. 2013. 664 S.
31. EHkonomicheskaya integratsiya: prostranstvennyj aspekt. M.: EHkonomika, 2004. 352 s.
32. Sola Perea M. de., Van Nieuwenhuyze Ch. Financial integration and fragmentation in the euro area // Economic Review. National Bank of Belgium. June 2014. Issue I. P. 99–125.
33. Prema-Shandra Athukorala, Nobuaki Yamashita. Production Fragmentation and Trade Integration: East Asia in a Global Context // The North American Journal of Economics and Finance. 2005. Volume 17. Issue 3. December 2006. P. 233–256.

Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект.

Цель данной работы привлечь внимание к некоторым проблемам методологического характера в исследовании интеграционных и дезинтеграционных процессов в экономическом пространстве (ЭП) современной России. Авторы предлагают рассматривать интеграцию и дезинтеграцию как взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы в ЭП. Следовательно, приоритетом региональной политики становится поиск механизмов, обеспечивающих их рациональное взаимодействие в рамках национального ЭП. Решение этой задачи не только позволяет расширить аналитический инструментарий регионального экономического анализа, но и позволит более обоснованно подойти к решению проблем пространственного развития как на национальном, так и на субнациональном и региональном уровне.

Ключевые слова: *экономическое пространство, экономическая интеграция и фрагментация, регион, экономическое зонирование, макроэкономические зоны, субъекты Федерации, декомпозиция, агломерация*

Minakir P.A., Dem'yanenko A.N., Prokapalo O.M., Goryunov A.P. Integration and disintegration in Russia's economic space: methodological aspects.

The authors aim to draw attention to certain methodological problems concerning the study of the processes of integration and disintegration in the economic space (ES) of modern Russia. We propose to approach the spatial economic integration and disintegration as two connected and mutually reinforcing processes, as opposed to the traditional approach of viewing one as the "bad" alternative to another – "good" – one. We further suggest that the true goal of regional economic policy should be the search of institutions and mechanisms for the optimal balancing of integration and disintegration within the national ES. The proposed approach to this problem widens the array of analytical instruments of regional economic studies, as well as provides a more solid methodological grounding for solving the various problems of spatial development at both the national and regional levels.

Key words: *economic space, economic space, economic integration and fragmentation, region economic zoning, macroeconomic zones, territorial subjects of the federation, decomposition, agglomeration*

Для цитирования: Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 4. С. 43–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/43-54

For citation: Minakir P.A., Dem'yanenko A.N., Prokapalo O.M., Goryunov A.P. Integration and disintegration in Russia's economic space: methodological aspects // Ojkumena. Regional researches. 2018. № 4. P. 43–54. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-4/43-54

